

— Это было под новый, 1947 год. Моя тетка Валерия Познанская — крупнейший специалист-коксохимик — была знакома с поэтессой еще по ташкентской эвакуации. После печально знаменитых событий 46-го года Ахматову на первое время лишили карточек и дровяных талонов, и тогда Познанская через ленинградский филиал доставляла Ахматовой остатки их лабораторных углей, которыми та топила свою печь. Однажды Познанская, дважды лауреат Сталинской премии, приехала в Ленинград, сняла «люкс» в «Астории» и устроила там обед. Я отчетливо помню этот день, потому что на том обеде были моя мама и я. Мне было в это время уже одиннадцать лет.

Помню Анну Андреевну, еще худую. Помню, как она держала на коленях черную сумку все время, и помню яркий, солнечный морозный день за окном и знаменитого «Николая I» работы Клодта, облитого зимним солнцем. Мама заставила меня специально для этого обеда выучить стихотворение Ахматовой «Мурка, не ходи, там сыч на подушке выйдет...». Слава богу, во время обеда я не прочел этого стихотворения и не опозорился.

Удивительно, что, когда я в 1959 году пришел к Ахматовой, она вспомнила и этот эпизод, и меня. Память ее была абсолютно неуязвима. Она сохраняла все, что было в ее жизни.

Весной 1959-го я уже писал стихи, интересовался поэзией двадцатого века и сообщил, что Ахматова находится где-то в Ленинграде. За десять копеек в Ленгорсправке получил ее адрес и немедленно (я тогда ни на секунду не откладывал никаких поступков) отправился на улицу Красной коппицы. Позвонил, и мне открыла родственница Ахматовой Ханна Вульфовна Горенко, которая в это время жила вместе с ней, «Анна Андреевна, как вам молодой человек». Я во-

ЕВГЕНИЙ Рейн по-прежнему весь принадлежит Ленинграду, хотя уже более десяти лет живет в Москве. Но не отпускает детство, проведенное на Фонтанке, закатный и рассветный Невы, обжитые, понятные до самого невидного дома Васильевский остров и Петроградская сторона. И, конечно, ленинградские мосты. Недаром же единственная пока книга Рейна названа «Имена мостов».

Почему же так получилось, что у поэта, известного в литературных кругах города с начала шестидесятых, вышел только один сборник — в 1984 году? Наверное, потому, что поэзия Рейна чуралась компромиссов, не искала благополучия. У него нет ни одной строчки стихов и к датам, а ведь многие даже значительные поэты зачастую отклонялись на всевозможные праздники.

Мансарга

Веч. Ленинград. — 1988, 25 июля

Поэзия Рейна дышала другой атмосферой. Той, вольной, начала шестидесятых. Не будем и ее идеализировать. Но была еще жива Анна Андреевна Ахматова. Рядом с ней, опираясь на ее уроки нравственности и поэзии, вставала в полный рост литературная молодежь. По-разному сложились их судьбы. Одни стали признанными поэтами, кто-то ушел в тень, но пишет до сих пор, хотя мало, трудно. А иные... Впрочем, это отдельная тема.

Совсем недавно Евгений Рейн побывал в Ленинграде. Здесь прошло несколько его поэтических вечеров, продолжил он работу и над сценарием фильма об Ахматовой.

Сегодня он, гость нашего Дома книги, рассказывает о своем знакомстве с Анной Андреевной.

Первая встреча, последняя встреча

шел, она произнесла: «Здравствуйте, юноша...». Тут я сказал ей, что мы уже знакомы. И она ответила: «Да, я прекрасна. Как поживает ваша матушка? Как поживает Валерия Яковлевна Познанская?». И начался разговор. В конце его, длившегося около часа, Анна Андреевна сказала: «Вы знаете, какая у меня проблема: мне дают квартиру в новом доме Союза писателей на улице Ленина на Петроградской стороне. И мне нужно упаковать свою библиотеку. Может быть, вы найдете время и поможете мне? Кстати, это лучше сделать вдвоем. Может быть, у вас есть какой-нибудь приятель?»

И на следующий день мы пришли с приятелем-поэтом. По дороге в хозяйственном магазине купили мешки из крафт-бумаги, которые тогда ленинградские фабрики выпускали для того, чтобы на лето паковать зимние вещи. Накупив таких мешков, которые стоили очень дешево, мы стали в них складывать книги. Книг было очень немного, штук

пятьсот, но на это ушло, наверное, пятнадцать часов. Дело в том, что мы читали все эти книги, пока их упаковывали. Многие были с дарственными надписями. Помню, например, как держу в руках книгу А. Толстого «За синими реками» с изумительной красоты каллиграфической надписью «Анне Андреевне Гумилевой с надеждой на ее дарование. А. Толстой». Почему мне запомнился именно этот автограф — сказать не могу, но именно он... Один из нас попеременно укладывал книги, а другой разговаривал с Анной Андреевной. Она еще была не такой полновесной, какой стала после инфаркта. Сидела на кушетке красного дерева со спинкой, качала ногой и отвечала на все наши вопросы. Вопросы было много. Но вот она спросила: «Ребята, вы знаете иностранные языки?». — «Нет». — «Это ерунда, ребята. Надо знать иностранные языки. Языки надо выучить. Это очень просто. Берешь книгу и через две недели читаешь на любом языке». Сама,

кстати, так и поступала — и действительно читала, на итальянском, французском, испанском, португальском... Читала. Не говорила. У нее были некоторые затруднения, в чем я потом убедился, но основной смысл текста она понимала.

...К сожалению, с теми книгами случилась довольно печальная история. Мы отвезли их в дом, куда Анна Андреевна должна была въехать только осенью (на лето она переехала на дачу, в так называемую «будку», в Комарово). Квартира ее еще была не готова, и мы обратились к домоуправу с просьбой принять мешки с книгами. Он сказал, что не имеет права, пока не выписан ордер, поместить их в квартиру. Мы, легкомысленные молодые люди, положили мешки в подвал, где летом лопнули трубы, и книги несколько месяцев плавали в воде. Правда, их сильно зашита крафт-бумага. Книги подмокли, но не погибли, потом были высушены и как-то сохранились. Это были главным образом

сборники стихов акмеистов, символистов, книги Блока, Сокологуба, Зинанды Гиппиус, Мандельштама с дарственными надписями. Все это сейчас, я полагаю, в Пушкинском доме... После этого мы не раз бывали у Ахматовой...

...Похороны Ахматовой. Март 1966 года. Теперь, когда я работаю над сценарием картины, которую сделает к 100-летию А. А. Ахматовой «Ленфильм», мне показали хроникальную пленку о том дне. Ее снимал режиссер С. Аранович (он же — режиссер будущего фильма). Я был как бы «сценаристом» этой ленты, потому что один из операторов у меня просил кое-каких пояснений.

Слушать Евгения Рейна можно бесконечно. В дружеской компании — он царь и бог рассказа. Несколько эпизодов, с которыми познакомился читатель, — это только несколько эпизодов... И вдруг ловишь себя на стойком ощущении: все его рассказы — это подстрочники его стихов. Сегодня несколько стихотворений мы предлагаем читателю. Четверть века спустя поэт опять встречается с читателями «Вечерним». Дело в том, что в начале 50-х Евгений Рейн посещал в течение двух лет литературный кружок при газете. И несколько строк увидели свет еще тогда...

Те и эти стихи, та и эта жизнь бесконечно далеки друг от друга. Но по-прежнему поэзия Евгения Рейна присущи безотчетность, расточительность, самозабвенная искренность. Таков и сам поэт.

Н. ЯКИМЧУК